

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 1
(1932)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

обвиняет в желании возбудить нацменьшинства по ту сторону Аму-дарьи, но признает при этом, что «турецкое и таджикское население вполне готово к советизации». Рядом с этой фразой звучит необычайно комично утверждение, что термин «басмачи», означающий «разбойник, грабитель», был скоро принят как синоним борца против несправедливой власти и сделался почти синонимом арабско *mujāhid*, священный воин, творящий *jihād*. Если автор почерпнул свои информации у почтенного Сеид Алимхана и его свиты в Афганистане, то, пожалуй, в их глазах басмач действительно «борец за правое дело». Но я думаю, что если бы автор книги проехался по Средней Азии, то он убедился бы, что население отнюдь не склонно расценивать басмачей как «святых людей», а борется с ними достаточно энергично. Глава о перспективах заканчивается утверждением, что для Афганистана было бы «бесконечно лучше сохранить характер теократического государства с мусульманской организацией» (стр. 341). Автор не совсем точно выразил свою мысль: надо полагать, что это будет бесконечно лучше не для Афганистана, а для Англии, которая, впрочем, по утверждению автора «всегда заботилась и печлась о мусульманских государствах». Этих замечаний вполне достаточно, чтобы определить основное задание книги — защиты интересов британского империализма и, притом, защиты именно слишком прямолинейной, и потому довольно неуклюжей. Научная ценность книги крайне мала. Отделы, посвященные этнографическим наблюдениям, скудны и жидки и не идут дальше заметок туриста, свысока смотрящего на «коварных дикарей». Не совсем благополучно дело и с восточными цитатами. Так, по указанию автора, афганец, проезжая мимо кладбища, говорит

на звучном арабском языке «As-Selaam alaicum ahl-i Kabool! Peace be with you. O dwellers in the tomb» (стр. 295). К сожалению, наличие изафета показывает, что эта фраза не столько арабская, сколько персидская, а во-вторых, ahl-i Kabool — может значить только «жители Кабула»; очевидно, что словечко попало сюда вместо *kuboor* قبر — могил. Некоторую ценность могут представлять небольшие заметки о природных богатствах, состоянии дорог, импорте и экспорте, хотя, конечно, нельзя быть уверенным в их точности.

В общем, можно сказать, что для советского читателя книга эта едва ли может представлять интерес. Рекомендовать ее можно только специалистам по военному делу, которые, может быть, смогут извлечь из нее кое-какие полезные сведения относительно условий, в которых протекали и протекают военные действия на территории Афганистана.

Е. Бертельс.

Радциг, Проф. Н. И. Дюпле в Индии (1722 — 1754). Страница из истории французского империализма XVIII века. Ярославль, изд. Яросл. Педагогического института, 1929, 148 стр. (тираж 700 экз.).

«Труд» проф. Радцига, нашедший свое воплощение в изданной со множественным опечаток книжке, конечно, не заслуживал рецензии, ибо жестоко ошибется тот, кто хотел бы найти в этом реакционном материале хоть что-нибудь, проливающее свет на «страницу из истории французского империализма в XVIII в.».

Но автор имеет смелость сейчас, в свете разворачивающихся колониальных революций, рассуждать по вопросам

возникновения и развития капиталистической колониальной экспансии на Востоке в таких тонах и с такой методологией, которые должны быть беспощадно разоблачены.

На первой же странице своей книги, буквально с третьего слова, он делает весьма знаменательную и отнюдь не случайную сноску. Вот она целиком: «Термин «империализм» берётся не в ленинском понимании (см. В. И. Ленин. Империализм как последний этап капитализма), а в смысле вообще колониальной экспансии». На всем протяжении своей «работы» автор самым честным образом оправдывает эту свою первую сноску.

Первое впечатление, которое получается от чтения работы проф. Раддига, таково, что французский «империализм XVIII века» имеет к его теме весьма отдаленное отношение.

В первой главе книжки, давая сводку источников по своему предмету и говоря, в частности, о своем основном авторитете — французском историке Мартино, от которого он, между прочим, почти без изменения заимствовал не только название своей книги, но и границы темы, — проф. Раддиг замечает: «И, может быть (!), единственное, чего не вовлек Мартино в поле своего изучения, — это экономич. и обще-политич. обстановка в Европе и колониях, которая способна объяснить и самый подъем франц. империалистич. устремлений в половине XVIII в., его столкновение и его почти полную неудачу. Подходя к интересующей нас проблеме именно с этой стороны, мы доскажем, чего не затронул в своем обширном труде Мартино» (стр. 18).¹

Чтобы долго не испытывать любопытства читателя, а также подготовить

его к тому, с какой именно стороны подходит проф. Раддиг к интересующей его проблеме, мы открываем книгу на предпоследней странице и там читаем следующее место:

«Франция половины XVIII в. не имела развитой промышленности, не нуждалась в обширных рынках сбыта. С нее оказалось достаточным и того урезанного колониального домена, который остался в ее руках после 1763 года... Среди специалистов [?] раздавались голоса, что «одной торговли с Левантом вполне достаточно для нации... «Публицистика метрополии путалась в противоречиях, когда приходилось говорить о колониях и самые крупные, теоретически продуманные планы казались опасными и позорно бросались».

«Промышленное слабосилие Франции и идеологич. раздвоенность [?] между политикой колониального расширения и политикой европейского завоевания — легко давали карты в руки ее сопернице — Англии. В Англии, как раз, промышленность в половине XVIII в. уже начинала чувствовать грядущий подъем. Вождедения насчет континента делались слабее, а колониальные горизонты начинали освобождаться от тумана перед взорами моряков-профессионалов и беспокорных обладателей капитала» (стр. 145—146).

Это все. Кроме смеси общих мест, могущих быть взятыми из любого популярного учебника истории и «идеологич. раздвоенности», между заметно-непривычной для автора попыткой приблизиться к марксистскому освещению вопроса и грустным его сожалением в отношении к людям, «не понявшим» всей нужности «самых крупных и теоретически продуманных планов» колониального грабежа, — мы ничего не находим не только на этих последних страницах, но и во

¹ Все сокращения слов воспроизводим по подлиннику. Д. С.

всей книге. Что мы не выдумываем нашего обвинения ни в одной его части — читатель вскоре убедится. Мы предложим его вниманию следующую цитату из «Труда», где автор таким образом объясняет причины колониальной экспансии европейских государств XVIII в.: «Под влиянием роста населения и дифференциации его потребностей, с одной стороны, а с др. под давлением appetitов капитала, расправлявшего свои мощные щупальцы, — европейцы перестают уже удовлетворяться теми пределами заморского мира, который образовался при преемниках Колумба и Васко-да-Гамы» (стр. 18) и дальше: «Тяга в экзотич. страны вырастает с начала XVIII в. еще в силу двух обстоятельств: страсть к обогащению, к ажиотажу охватывает в это время многие европейские страны. Это с одной стороны. С другой — войны Людовика XIV обнаружили в Европе большую трудность территориальных захватов. Война из Европы переносится в колонию» (стр. 19—20).

Читатель, наверно, уже успел заметить, что здесь не только в одну кучу на равных правах свалены, в качестве причин, и рост населения, почему-то не приводивший к колониальным захватам на два века раньше, и также неизвестно, почему возникающая страсть к деньгам и «расправляющий свои мощные щупальцы капитал», ни в какую видимую связь с этой страстью не поставленный, и опыт европейских войн.

Читатель также заметил уже, что в обеих цитатах отсутствует совершенно указание на качественную характеристику капитала и совершенно не упоминается такая категория, как первоначальное накопление, понятие которой давно уже прочно вошло в инвентарь марксистской методологии истории. И, чтобы не показаться голословным, нам

приходится заявить, что это и подобные ему понятия и категории совершенно не встречаются во всей книге нашего автора, а самое слово «капитал» является в ней редчайшим гостем. И это — несмотря на то, что самая тема проф. Раддига есть не что иное, как специфические формы продвижения французского торгового капитала на Восток в условиях приближающейся волны великой французской революции. Если бы наш автор попытался это понять, если бы он не на словах, а на деле поставил бы себе задачей «доказать», то «может-быть единственное», чего не сказал Мартино, картина получилась бы иная.

Нарастание классовой борьбы во Франции XVIII в., приведшее в конечном счете к 1789 году, безусловно отражалось на колониальной политике в смысле ее «непонимания» правительством «старого порядка», о чем так сожалеет Раддиг (ни словом, конечно, не указывая на то, что именно с таким правительством имел дело колониальный практик Дюпле); этот классовый переplet должен был проявить себя и внутри самих французских колоний в Индии, как это имело место на Леванте.¹ Так, напр., в тех-же материалах, которыми пользовался и Раддиг, мы находим, что Лабурдонне, один из соперников Дюпле, вступает с последним в конфликт на том основании, что «он (Лабурдонне) не хотел, чтобы им командовали торговцы».² Буржуазный профессор Лависс дает нашему автору в руки нить, идя за которой он мог бы вскрыть классовую суть «ссор» внутри французской администрации Индии.

¹ См. 2-й том «Трудов I-й Всесоюзн. Конф. ист.-марксистов». Доклад О. Вайнштейна «Франц. торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции».

² E. Lavisse. Histoire de France, т. VII, ч. 2, стр. 161.

Но все это совершенно чуждо нашему автору, и поэтому он беспомощно путается в психологических переживаниях своих героев, в различных «объективных обстоятельствах», не показывая ясно истинную суть этой объективности, а чаще ограничиваясь простой на нее ссылкой. Для проф. Радцига причина гибели колониальных планов Дюпле лежит в «бездарности» правительства Людовика XV и в непонимании значения Индии Французско-индийской компанией. Правда, «объективность» нашего автора не позволяет ему взвалить всю ответственность на правительство: «Признать в крушении франц. империи в Индии ошибки тогдашнего правительства и даже отчасти и всего общества это, в конечном счете, значит снять часть ответственности с того человека, историей которого мы заняты» (стр. 16).

Такова главная поправка «беспристрастного историка» Радцига к лицеприятным буржуазным ученым, в своих трудах держащихся узкого оправдания или восхваления какой-либо одной стороны.

Полная чуждость марксистской постановки вопроса для Радцига сказывается не только в том, что он игнорирует классовые отношения и действительную экономическую суть проблемы, открывая нам «страницу французского империализма»; он всей своей терминологией показывает полное незнание с методами марксистского исторического исследования.

Рассказывая об эпохе развития буржуазных отношений, он ни разу, на всем протяжении своей книги, не упоминает имени буржуазии. Французские просветители зачисляются им без дальнейших оговорок по ведомству «европейской интеллигенции XVIII в.» (стр. 9). Говоря о вмешательстве государства

в дела торговых компаний, выражавшемся в контроле их деятельности и назначении чиновников, он указывает, что такое положение вещей «казалось стеснительным уже людям XVII в.». Что это за «люди» XVII века — остается тайной. Описывая вражду, вспыхнувшую между двумя французскими администраторами в колониях — Дюпле и Лабурдонне, наш автор, упоминая о роли в этой борьбе служебного местничества и пиратства о старшинстве и чинах, — пишет: «И самый конфликт Дюпле — Лабурдонне, в известной степени, обусловлен именно этим психологическим моментом» (стр. 65).

Эта свободная игра лиц и характеров занимает у Радцига настолько важное место, что представляется единственной причиной всех превратностей французской колониальной политики в Индии.

Выше мы указали, что проф. Радциг очень не любит оперировать такими понятиями, как, напр., класс. Мы должны к этому дать некоторую оговорку. Это слово в книжке проф. Радцига мы обнаружили, правда, употребленное один единственный раз, но зато в обстановке, проливающей, по нашему мнению, некоторый свет на нелюбовь нашего историка к марксистской терминологии. Характеризуя состояние индийской общественности в эпоху исследуемых им событий, — проф. Радциг пишет: «Все это пестрое население отличалось между собой не только происхождением, языком и религией, — оно вдобавок распадалось на непримиримые между собой классы, вследствие чего не в состоянии было вырасти до идеи отечества и добиваться общей независимости» (стр. 24, подчеркнутыми. Д. С.). Здесь нам важно не то, что наш «профессор» в своей поистине святой методологической беспомощности не отличает классов феодального общества,

действительно не сложившегося еще в нацию, от классов общества буржуазного. Нам просто интересно, как при такой общей и категорической постановке вопроса, проф. Радциг объяснит идею отечества и борьбу за независимость, до которых доросла классовая Италия, борющаяся против господства австрийцев в середине XIX в. Неизвестно также, как может буржуазия, являющаяся типичным классом, имеющая непримиримого антагониста в лице класса пролетариата, быть наиболее яркой носительницей идеи национальной независимости, начиная с эпохи складывания буржуазного классового государства. Наконец, нашему историку «Французского империализма XVIII в.» просто стыдно не знать, какое значение получило слово «нация» и какой смысл вкладывался в слово «патриот» во время Великой Французской революции, явившейся, как известно, выражением ожесточенной классовой борьбы. Нам важно здесь отметить тон профессорской неодобрительности к обществу, «вдобавок» ко всем бедам распавшемуся на непримиримые классы, что и помешало ему дорасти до таких высоких идей, как отечество и борьба за независимость. Пусть читатель не подумает, что мы клеветаем на почтенного профессора, последней своей фразой обвиняя его в неисторической постановке вопроса о патриотизме, в приписывании патриотизму самодовлеющей значимости при любой обстановке. В разбираемой нами книжке, изданной в 1929 г. в СССР, мы читаем следующую глубоко знаменательную и не случайную фразу проф. Радцига, патетически восклицавшего по поводу ссоры Дюпле-Лабурдонне: «И люди в пылу спора забывали свои обязанности, свою ответственность, свой долг перед родиной!» (стр. 65).

Надеемся, что читателю все яснее становится истинное лицо нашего автора. Наш нелюбитель классов сам является носителем идеологии определенного класса, какого — читатель, надо думать, догадывается. Вернемся к вопросу о состоянии Индии, как ее описывает наш «профессор». То обстоятельство, что классы, раз появившись в изложении Радцига, бесследно исчезают в дальнейшем — нас уже не может удивить. Французские, английские, португальские и прочие пионеры европейского капитализма в изложении Радцига сталкиваются в Индии, во-первых, с «царьками», во-вторых — с «народом», причем народ изредка подает о себе знать неожиданно возникающим недовольством. «Царьки» у нашего историка везде являются псевдонимом феодалов, категория, которой повезло у Радцига еще меньше, чем классу и капиталу. «Царьки» вступают во всевозможные отношения с европейцами, заключают с ними союзы, изменяют, сражаются и ведут интриги. Линия этого их капризного поведения не объясняется у Радцига ничем, кроме личных свойств «царьков» и дипломатических и стратегических способностей европейцев. Однако, при всей симпатии автора к Дюпле, при всем расписывании его талантов, правда разбавленном для объективности указанием на отрицательные свойства его характера, все-таки остается неясной удачливость англичан в снискании себе союзников из туземных властителей, буквально под самым носом французов и в ближайшем соседстве с их владениями. Объяснения этому явлению мы у Радцига не находим. Оно и понятно. Разделяя все население Индии на «царьков» и «народ», Радциг совершенно игнорирует весьма сложную и важную роль туземного торгового капитала.

Говоря о целях Дюпле при завоевании Деккана, проф. Радциг отделяется самой общей характеристикой задач французских завоевателей, которая имела ввиду «обеспечить себе в центре Индии поддержку местной власти, гарантировать французам постоянный приток средств и открыть французской торговле рынки внутри страны» (стр. 126).

Непонимание французским правительством и Компанией колониальных планов Дюпле вызывает у проф. Радцига чувство досады к руководителям французской политики и заморской торговли того времени; это непонимание наш автор не может объяснить ничем, кроме как «своеобразным» отношением к колониям, «какое существовало во Франции в половине XVIII века» (стр. 141). Разгадка вопроса, почему в течение двух столетий «английское правительство боролось, прикрываясь именем Компании, пока оно не овладело естественными границами Индии» (Маркс), а французское правительство старого порядка и торговая буржуазия, объединенная в Индийской Компании, воздерживались от территориальных захватов, объясняется, по Радцигу, лишь тем, что «несмотря на многочисленные путешествия за моря, правительственные представления о жизни в далеких странах плохо проникали в публику... Во-вторых, для общества было ясно, что обладание заморскими странами зависит от наличия сильного военного флота, а, между тем, Франция в этом отношении так отстала от своей противницы — Англии» (стр. 92). Мы со спокойной совестью можем не считать достаточной причиной первую половину объяснения «своеобразного отношения к территориальным захватам», даваемого проф. Радцигом, в отношении же второй половины мы все-таки вынуждены напомнить, что английский военный флот, имевший

и имеющий своим прямым назначением охрану колониальных владений Англии, сам является порождением английской колониальной политики и не может, поэтому, рассматриваться, как ее конечная причина.

Мы не можем не обратить внимания читателя на еще один важный момент, тесно связанный со всей системой взглядов нашего «историка». Выше мы заметили вскользь, что европейцы в Индии сталкивались, по Радцигу, «с царьками» и «народом», причем последний по временам неожиданно дает о себе знать обнаружением своего недовольства чужеземцами. Мы уже отказались от мысли получить от проф. Радцига ответ на вопрос, каким образом различные слои этого «народа» были заинтересованы или недовольны наличием европейцев в их стране. Поэтому, посмотрим, как проф. Радциг объясняет причины хотя бы общего недовольства туземцев вообще, которое он, как безусловный исторический факт, не может обойти. Проф. Радциг замечает, что европейские купцы и администраторы в Индии были, чаще всего, авантюристы, люди, не находившие себе места в Европе, искатели приключений. Против такой характеристики основной армии рыцарей первоначального накопления, действительно, трудно что-либо возразить, но когда он делает из этого почти единственную причину обостренных отношений между туземцами и европейцами, ко всему этому обладавшими «сознанием какого-то расового превосходства над азиатами», и добавляет, что «неприязнь к европейцам усиливалась вследствие принесенного теми из Европы духа религиозной нетерпимости» (стр. 29), то удовлетвориться только таким объяснением мы уж никак не можем. Во всей книжке проф. Радцига мы нигде не находим указания на эксплуатацию мест-

ного населения Индии, ту самую эксплуатацию посредством применения различных степеней принудительного труда, до рабского труда включительно, которая, наряду с эксплуатацией через хищническую торговлю, составила замешанный на крови и грязи фундамент будущего здания европейского капитализма. А между тем, указания на это имелись, повидимому, в источниках, которыми пользовался наш «объективный» профессор. Но интерпретирует он эти указания, действительно, весьма «своеобразно». Так, он пишет о хозяйственной деятельности губернатора принадлежащих Франции островов Иль-де-Франс и Бурбон — Лабурдонне: «Первое, о чем он подумал, это — обеспечить островам продовольственную независимость от внешнего мира. Ради этого [?!] он производит в громадных размерах осушку болот, так что большие пространства бесплодной прежде земли становятся прекрасными нивами и плантациями для хлопка, сахара, индиго, кофе и разнообразных хлебных злаков» (стр. 60; подчеркнуто нами. Д. С.).

Но этим еще не ограничиваются благодеяния Лабурдонне ради продовольственной независимости островов, насчитывавших к его прибытию 648 чел. туземного населения (стр. 61), заводящего в громадных размерах плантации хлопка, сахара, индиго и кофе. «Он приучает туземцев к занятию охотой и рыболовством» — соловьем разливается наш историк и заканчивает описание цивилизаторской деятельности Лабурдонне классической фразой буржуазных апологетов культуртрегерской роли капитала: «Наконец надо было позаботиться об удобствах, гигиене и культурных потребностях местных жителей. Лабурдонне строит исполинский водопровод, ... сооружает дома, правительственные здания, церкви, больницы, мастерские» (стр. 61).

Итак, на колониальной земле мир и среди рабов благоволение. Только упоминание об одной тюрьме отсутствует в этой идиллической картине проникновения европейского капитала на Восток. Поэтому кажется совершенно неожиданным, когда проф. Радциг на этой же странице заявляет, что несмотря, казалось-бы, на такую благодетельную роль колониального губернатора, «роптали служившие с ним европейцы, роптали и туземцы. Жалобы на него так и сыпались в центр» (стр. 61).

В чем дело? Почему такая черная неблагодарность со стороны хотя бы благодетельствованных Лабурдонне туземцев? (Конфликты внутри европейской части колонии объясняются Радцигом, как мы уже знаем, личными столкновениями, завистью и т. д.). Дело, объясняется очень просто: так как Лабурдонне в своей деятельности весьма напоминал «просвещенных деспотов» XVIII века, то поэтому «недалеко ушел он от них и в мерах внедрения своих нововведений в своих подчиненных» (стр. 61). Просто и понятно! Все дело, оказывается, не в жесточайшей эксплуатации туземцев или «черных», по терминологии Радцига, не в том, что они тысячами сводились отовсюду для рабского труда на плантациях — ибо сам же Радциг указывает, что за несколько лет население островов возросло до 30.000 человек одних «черных» (стр. 61), — все дело в том, что не вполне удачны были методы губернатора, вводившего свои «нововведения»! И поэтому фраза нашего умиленного цивилизаторской ролью Лабурдонне профессора о том, что «для борьбы с бандитизмом он [Лабурдонне] организует отряды жандармерии и заводит на островах полицию и суд» (стр. 60), — уже не обманывает нас в истинном характере этого «бандитизма». Колониальная тюрьма всетаки выгля-

нула из-за идилической завесы, опущенной нашим стыдливым апологетом проникающего на Восток капитализма, а вместе с ней, во всей своей красе, вопреки воле автора, предстает перед нами, как истинное значение деятельности «просвещенного деспота» Лабурдонне, так и основные причины вражды и ненависти туземцев к европейским цивилизаторам.

Итак, что же мы имеем в результате? Полное игнорирование борьбы классов и отсутствие действительного экономического анализа в трактуемом вопросе; как неизбежное следствие этого, — явную тенденцию к выставлению на первое место субъективных причин во всех перипетиях колониальной борьбы Англии и Франции в XVIII в.; заметную симпатию автора к одному из пионеров французского капитализма на Востоке, что, будучи сопоставлено с его, автора, явным неодобрением политики французского правительства и Французской компании, «удушивших из рук» Индию — по меньшей мере и мягко выражаясь, убеждает нас в отсутствии у нашего «историка» всякого исторического подхода к вопросу. Далее, мы видим полное замазывание факта различных форм эксплуатации туземцев, замалчивание факта, который является ключом как для понимания взаимоотношений между последними и европейскими колонизаторами не только в XVIII веке, но и сейчас, так и для действительного уяснения специфических особенностей колониальной политики и экономики XVIII века.

За исключением, и то с оговорками, явно притянутых за волосы последних двух страниц, где автор «досказывает» то, «может-быть единственное, чего не сказал Мартино», — вся книга, сначала до конца является совершенно чуждой духу единственно-научного марксистского исторического анализа. Когда же автор,

прячась за невинной ширмой биографии колониального администратора, пытается протащить апологию первых шагов капиталистической экспансии на Восток, то такие попытки в условиях нашей современности, в условиях продолжающейся колониальной эксплуатации, в условиях разворачивающейся борьбы угнетенных стран против империализма, придают книге совершенно определенное, не оставляющее никаких сомнений, политическое лицо.

Д. Смирнов.

Department of Historical and Antiquarian Studies. Bulletin No 1. (Assam). Report of the work of the Department with a Handlist of Manuscripts and Transcripts. Compiled by S. K. Bhuyan, Honorary Assistant Director D. H. A. S. Assam. 1932. Pp. VIII + 48 in 8°. Price Rupee one. Foreign 1 s. 6 d.

На далекой восточной окраине Индии, в Ассаме, появилось новое периодическое издание — «Бюллетень Департамента исторических и археологических исследований», которое обещает богатый исторический материал для этой до сих пор еще мало известной части Индии. Особенное внимание обращено и этим изданием и Департаментом вообще на собирание материалов местных хроник и документов, относящихся к истории и экономике страны. Приходится обращать особенное внимание на собирание рукописей, их хранение, чтобы спасти их от губительных свойств местного климата. Археологические работы и охрана памятников чрезвычайно затрудняется мощной растительностью, с завоеваниями которой очень трудно бороться. Вообще местные условия работы исключительно трудные, и тем более надо приветствовать важную краеведческую работу, которую делают местные работники.